

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 6

**Санкт-Петербург
2007**

А.Д. Пантелеев
Античная религия в сочинениях
христианских апологетов
(материалы к лекции)*

Традиционно в рамках обычного вузовского курса по истории античной религии и мифологии при изучении источников в первую очередь обращают внимание на сочинения античных авторов – поэтов, трагиков, комедиографов, историков, антикваров, мифографов, географов и др. Сочинения христианских писателей первых столетий новой эры обычно считаются необязательным приложением к классическим авторам и рассказ о них, если они вообще упоминаются, сводится к минимуму. Тем не менее, ценность сведений, сообщаемых христианскими авторами, сложно переоценить, а их сочинения достойны отдельного рассмотрения. Смеем надеяться, что материалы этой лекции – части курса «Античная религия и мифология», читающегося на кафедре истории древней Греции и Рима СПбГУ, – будут полезны не только для студентов, но и для коллег-преподавателей.

Христианская литература занимает особое положение в истории классической культуры. С одной стороны, христианские авторы были носителями античной традиции, для большинства из них верно замечание о том, что «в ту пору христианами не рождались, а становились». С другой, они уже были людьми новой, средневековой ментальности, и таким образом, им принадлежит место посредников между двумя эпохами. Именно христианские интеллектуалы Юстин Философ, Климент Александрийский, Ипполит Римский, Ориген, Арнобий и Лактанций осуществили синтез античной куль-

* Данная работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ «Системный анализ исторической традиции религиозно-мифологической константы древнегреческой культуры» (06-06-80195).

туры и христианской религии, сделав возможным сохранение древней традиции в новых условиях. Но их значение для изучения античной религии и мифологии этим не ограничивается; можно указать несколько веских причин важности обращения к их сочинениям.

Одной из главных проблем, стоявших перед христианской религией в первые три века своего существования, было убедить римлян, как интеллектуалов, так и менее образованных людей, в своей безопасности для государства и общества и добиться прекращения гонений. Этой задаче были посвящены сочинения апологетов, но часто они переходили от защиты христианства к нападению на языческие представления о богах и благочестии. Христиане осмеивали греческих и римских богов, причем зачастую хороший материал для этого им предоставляли сочинения самих язычников вроде Варрона Реатинского о римской религии или Эномая Гадарского об оракулах. При написании своих сочинений «К язычникам» и «Апологетик» Тертуллиан использовал более тридцати сочинений античных авторов. Этим определяется первая причина ценности для нас христианской традиции: она сохранила большое количество фрагментов недошедших до нас сочинений. Что важно, перед нами не встает проблема достоверности этой информации, так как язычникам было несложно поймать христианских авторов на лжи или искажении информации.

Затем, апологеты II–III вв. по уровню образованности практически не уступают античным авторам того же времени. Все они получили обычное античное воспитание, а затем занимались философией или риторикой. Тертуллиан до обращения в христианство был юристом и увлекался стоицизмом, Арнобий и Лактанций – риторамы, Юстин Философ и Климент Александрийский увлеченно изучали различные философские течения. Это образование не прошло даром, и вместе с фактическим материалом об античной религии мы получаем и информацию о распространенной в то время интерпретации мифов (например, согласно Евгемеру, который считал богов обожествленными людьми).

Задача осмеяния и опровержения языческих верований, стоявшая перед апологетами, приводила к тому, что они обращались к очень древним верованиям и ритуалам, смысл которых был уже в то время неизвестен. Христианские авторы с удовольствием рассказывают о многих Юпитерах, Афинах и Гераклах, о богах, которые присутствуют при рождении ребенка или севе, другие забавные или несообразные подробности. Эти данные, при сопоставлении

с другими источниками, позволяют создать представление о древнейших этапах развития античной религии.

Наконец, христианские авторы не были связаны обетом молчания о содержании мистериальных культов. Если живший во II в. н.э. Апулей в «Метаморфозах» заявляет: «Может быть, ты хочешь знать, усердный мой читатель, что там говорилось, что делалось? Я бы сказал, если бы можно было говорить, ты бы узнал, если бы знать было позволено. Одинаковой опасности подвергаются в случае такого дерзкого любопытства и рассказчик, и слушатель» (Мет. XI, 23), то для христианина этой проблемы в принципе не существовало. Он с удовольствием срывает покров тайны с языческих таинств с целью изобличения обмана и глупости врагов истинной веры. Если бы не христиане, особенно Климент Александрийский и Арнобий, наши знания о мистериях были бы намного более скудными.

Уже этого достаточно для того, чтобы не игнорировать данные христианской традиции, а наоборот, как можно шире привлекать ее для исследования античной религии и мифологии. При этом, однако, необходимо помнить, во-первых, что перед нами носители иной религиозной парадигмы, а во-вторых, что в задачу наших авторов не входила аккуратная передача содержания мнений язычников о содержании и значении того или иного мифа или ритуала. Перед христианами стояла цель дискредитации всех конкурирующих течений, и сюда относились и традиционные греческие и римские культы богов и героев, новые для античного мира восточные культы (Сераписа, Исиды и Осириса, Митры, Кибелы, Сирийской богини и пр.) и даже, с известными оговорками, культ императора.

Естественно, что трактовка христианами авторов мифов отличалась от восприятия их язычниками. Сразу отметим, что практически никто из христиан не сомневался в реальности существования древних богов. Они были безусловно побеждены Христом, но все еще действовали на земле. Существовало несколько основных моделей интерпретации о рассказах о богах и героях:

1) Языческие боги отождествлялись со зловредными демонами, которые дурачат людей и заставляют их отклоняться от учения истины. Это общее место всей христианской антиязыческой полемики.

2) Многие христианские авторы усвоили идею Евгемера о том, что боги – это люди, обоготворенные после смерти за их особые

заслуги. Он пользуется большим уважением среди почти всех апологетов, и только Феофил Антиохийский говорит: «О крайнем безбожии Евгемера излишне и говорить» (Ad Aut. III, 7).

3) Наконец, часто встречаются заявления о том, что языческие мифы являются выдумками поэтов, которые были орудием в руках демонов, желавших совратить людей. Зевс, Деметра, Аполлон, Дионис и все остальные – выдумка Орфея, Музея, Гомера, Гесиода и им подобных. С одной стороны, они попытались предвосхитить христианское учение, заимствовав или окарикатурив некоторые его черты. С другой, они приписали богам все возможные пороки, и для того, чтобы хоть как-то облагородить эти неблагоприятные рассказы, философы были вынуждены интерпретировать их аллегорически.

В качестве иллюстрации обратимся к творчеству четырех видных христианских апологетов: Юстина Философа, Климента Александрийского, Тертуллиана и Арнобия.

Первому из них, Юстину Философу, или Юстину Мученику, принадлежат две Апологии и «Разговор с Трифоном иудеем», в котором ведется полемика с иудеями. Все эти сочинения написаны в середине II в. в Риме. Юстин полагал, что античная мифология берет начало из ветхозаветной литературы. Для того, чтобы смутить людские умы, демоны, знавшие пророчества о Христе, внушили ложные мнения о богах. Так появилось множество сынов божьих (многочисленное потомство Зевса, Аполлона и др.), Персей и Беллерофонт с помощью Пегаса возносились на небеса, а Эскулап излечивал больных и даже воскрешал (Apol. I, 54). В I Апологии он проводит и другие параллели между мифами и христианским учением: загробный суд, творимый Миносом и Радамантом (8), конец мира, который предвещают сивиллы (20), бессмертие души, доказываемое магией (17). Апологет приводит небольшой список детей Зевса, но не факт, что для этого использовались какие-то специальными мифографическими сочинениями (Apol. I, 24). Юстин сообщает несколько интересных подробностей о культовой практике, например, об очищениях, которые проходят желающие войти в храмы и принести жертвы (Apol. I, 62); с точки зрения апологета, они также подражают христианским и иудейским обычаям. В принципе, возможно рассматривать его утверждения о «заимствовании» древними писателями истины от Моисея и пророков как распространенное в то время стремление искать истину у древних народов – египтян, вавилонян, персов и т.п.

Климент Александрийский (ум. ок. 215 г.) – один из самых ярких христианских писателей этой эпохи. Ему принадлежало большое количество сочинений, из которых до нашего времени сохранились «Увещание к язычникам» («Протрептик»), «Педагог», проповедь «Кто из богатых спасется» и его главный труд – «Строматы». Отличительной чертой Климента является великолепное знание античной литературы: на страницах своих произведений он приводит около тысячи цитат из различных сочинений греческих авторов. В те времена, пока он был язычником, Климент принимает посвящение в различные мистерии, знание которых пригодится ему впоследствии.

Остановимся подробнее на «Протрептике». Написанный около 192 г., его формально можно отнести к жанру апологии, но в нем не названы адресаты, а кроме того, не содержится призывов к прекращению гонений. Климент показывает в этом сочинении глупость и лживость языческих таинств и богослужения и призывает обратиться к истинному учению и таинствам Христа. Как и для Юстина, греческие мифы для Климента – выдумка поэтов, действовавших под влиянием демонов: «Тот фракиец, Орфей, и фиванец, и метимнец, мужи некие, были... обманщиками. Губя жизнь доверчивых под прикрытием музыки, в искусном шарлатанстве неистовствуя на их погибель, справляя бесчинства, обожествляя скорбь, они первыми привели людей к идолам» (3). После этого он обращается к подробному разбору сведений о языческих оракулах и мистериях. Он рассматривает мистерии Афродиты (14), сабазийские таинства (16), мистерии кабиров (19), дионисийские оргии (17–18); с особым вниманием Климент относится к Элевсинским мистериям (17, 20–21). Его рассказ краток, но очень содержателен. Нам становится известно основное содержание культового представления, слова, которые произносились при посвящении, символы таинств и т.п. Он приводит и «пароль» Элевсинских мистерий: «Я постился, пил киксон, получил из корзины, потрудившись, отложил в лукошко, и из лукошка в корзину» (21). Стремясь опорочить язычников, Климент обращается к фаллическим шествиям (34, 61), вспоминает о богах, которые были рабами на земле (35), и о тех, кто был ранен людьми (36). Отдельно перечисляются непристойные и смешные эпитеты божеств вроде «Артемиды Удавившаяся» или «Аполлон Зевающий» (38). Много интересного мы узнаем о храмах и статуях богов, как самых древних, так и созданных недавно (45–53). При внимательном изучении текст «Про-

трептика» может дать много уникальной информации об античной религии.

У Тертуллиана (ок. 160 – ок. 240 гг.) защите христианства и критике языческих представлений посвящены четыре произведения: «К язычникам», «Апологетик», «О свидетельстве души» и «К Скапуле». Кроме того, интересная для нас информация содержится и в других текстах. Так, например, в его трактате «О венце» есть большой пассаж, передающий содержание сочинения Клавдия Сатурнина «О венках», посвященного возникновению и истории традиции украшать голову и жилища венками. Специального внимания заслуживают «К язычникам» (197 г.) и «Апологетик» (ок. 200 г.). Как правило, первое сочинение рассматривают как «черновик», «эскиз» второго. За прошедшие несколько лет Тертуллиан доработал текст и заметно увеличил количество привлекаемых источников (в «Апологетике» их использовано более 30). Оба эти трактата имеют неоценимую доксографическую ценность; так, «К язычникам» во многом основывается на недошедшем до нас труде Варрона «Божественные древности» (*Antiquitates rerum divinarum*), и наряду с «О Граде Божьем» Августина является основным источником для его реконструкции. Особенно важна вторая книга «К язычникам», в которой содержатся фрагменты из начальных (теоретических) и последних (исторических) книг Варрона. Так, похоже, именно оттуда была им заимствована знаменитая трехчастная схема теологии. Существуют «три рода богов: один – физический, о котором рассуждают философы; другой – мифический, бытующий среди поэтов; и третий род богов – народный, который зависит от того, какие именно боги были приняты данным народом» (II, 1). Необходимо отметить еще один момент: Тертуллиан – уроженец и житель Карфагена, и хотя со времен Пунических войн прошло уже несколько столетий, в его произведениях зачастую дает о себе знать местный патриотизм. Он с удовольствием издевается над римскими богами и героями, развенчивает Энея, но восхищается самопожертвованием Дидоны, приводя ее в пример нерадивым христианам.

В качестве примера информации, передаваемой нам Тертуллианом, можно привести небольшой отрывок, посвященный богам, сопровождающим человека с момента рождения: «Есть некий бог Консевий, который ведает зачатием, есть богиня Флувиония, которая питает младенца во чреве; потом Витумн и Сентин, при помощи которых младенец начинает жить и чувствовать; затем Диес-

питер, который доводит беременную до родов. При родах присутствуют и Канделифера, потому что рожали при свете свечи, и другие богини, которые получили свое название от тех или других услуг при рождении. Римляне полагали, что помощь при родах рожденному оказывали Карменты: тому, кто рождался неправильно, помогала Постверта, а правильно рожденному – Проза. Назван был богом и Фарин – по речи (*ab effatu*), и Локуций – от говорения (*a loquendo*). Кунина оберегает дитя от дурного глаза и убаюкивает его. И Левана и Рунцина вместе его воспитывают! Удивительно, как еще боги не позаботились об очищении детей от нечистот! Далее Потина и Эдула учат ребенка впервые пить и есть, Статина учит его стоять, Адеона – приходить (*adeundi*), Абеона же – уходить (*ab abeundo*). У римлян есть и Домидука, а также Мента, которая учит одинаково добру и злу» (*Ad nat.* II, 11).

Тертуллиан упоминает не только греческих и римских, но и «варварских», египетских (Осирис, Серапис) и карфагенских богов (Небесная Дева). Его полемические выпады можно разделить на две части. Первая затрагивала героев мифов, которых к тому времени всерьез никто не воспринимал. Вторая касалась богов, которые пользовались популярностью в то время. Тертуллиан всерьез боролся с конкурентами христианства в Северной Африке, обрушиваясь с критикой на культы Эскулапа, Сатурна (под этим именем в Карфагене почитался сирийский Ваал), Сераписа и других.

Арнобий относится уже к иному времени. Его сочинение «Против язычников» создано в Африке на рубеже III–IV вв. До обращения в христианство он был верующим язычником и так описывает свое поведение: «Не так давно я поклонялся образам, только что вышедшим из печи, богам, изготовленным молотом на наковальне, из слоновой кости, картинам, лентам, повязанным на чахлах деревьях. Когда же я видел камень, смазанный и облитый оливковым маслом, я восхвалял его и беседовал с ним, как будто в нем была сила, готовая помочь, и просил милостей у бесчувственного пня» (*Adv. nat.* I, 39). Стоит отметить любопытный прием, применяющийся Арнобием при полемике. По замечанию В.В. Бычкова, «Он не верит в богов языческого Рима, но, как истинный римлянин, обращающийся к римлянам, и не оскорбляет их... Читатель как бы сам должен придти к выводу о том, что богов-то этих придумали поэты и сочинители мифов». Как и Тертуллиан, Арнобий пользуется большим количеством сочинений античных авторов (более 60), причем делает это тщательно, при каждом спорном случае призывая

своих оппонентов проверить то или иное утверждение «чтобы кто-либо не заподозрил нас в бесчестной клевете», и в доказательство того, что это «не ложное обвинение и не клеветнический донос», и что «мы ничего не вымышляем с лукавой целью».

Основной объем информации по интересующему нас вопросу находится в III–VII книгах «Против язычников». Арнобий старается показать через многочисленные нелепости, что языческие боги – вымысел, ибо им приписаны массы несовместимых свойств. Походя он сообщает массу любопытных данных. Так, обращаясь к Юноне, он пишет, перечисляя ее функции и ипостаси: «Ибо если она означает воздух... то нет сестры и супруги всемогущего Юпитера, нет Флювиины, нет Поманы, Оссипагины, Фебруты, Популонии, Цинкци и Капротины и, таким образом, имя ее оказывается праздным вымыслом, пустым мнением, получившим широкое распространение» (III, 30). Говоря об Аполлоне, он замечает, что это бог, новый для римлян, так как его не было в древнейшем сборнике молитв, созданном Нумой Помпилием (II, 73). Он указывает на богов-соименников (IV, 13–17), как и Климент, уделяет большое внимание разоблачению мистерий (V), наконец, нападает на храмы, статуи богов и жертвоприношения.

Ценные сведения содержатся не только у апологетов, но и в сочинениях других христианских авторов – «Божественных установлениях» Лактанция, «О заблуждении языческих религий» Фирмика Матерна, «О Граде Божьем» Августина, наконец, у Фульгенция. Все эти данные ценны, и ни в коем случае не следует их игнорировать при изучении античной религии и мифологии.

A.D. Panteleev

Ancient Religion in the Christian Apologies

This article deals with problems of narration and interpretation of the Greek and Roman religion in Christian Apologists work's. Tractates of Justin Philosopher, Clemens, Tertullian (esp. *Ad nationes*) and Arnobius are important sources for study of Classical religion and mythology.

